

Валерий
Скобло

НА ПЕРВОЙ ЛИНИИ

КОДЕКС БУСИДО

Коле и Пете

Я часто рвал судьбы своей нить
И душу свою не берег,
Но помнил: не знаете, как поступить,
Сделайте шаг вперед.

Бывал я слаб и талантом мал,
И лил на царапину йод,
Но, если, как поступить, не знал,
Я делал свой шаг вперед.

Бывало – этого мне не забыть –
И отступал в свой черед,
Но, если не знал, как же мне быть,
Старался шагнуть вперед.

Советчиков будет – просто беда,
И каждый второй совет,
Но, если туго станет, тогда
Я сделаю шаг вперед,

Губу закусив и собравшись весь,
Превозмогая свой страх...
Даже в последней победе здесь
Я вспомню про тлен и прах.

Да уж, что точно, мы прах земной,
Извилист и путан наш путь,
Но, несмотря на мороз и зной,
Мы можем вперед шагнуть.

Ребята, вам еще жить и жить,
И как, бог его разберет,
Но, если не знаете, как поступить,
Делайте шаг вперед.

* * *

Забей ты на эти дела,
На глупости всякие, вроде:
Убрать баракло со стола
И типа – одеться по моде.

Ты что – очумел, дорогой?
Ты думаешь (так... между нами),
Представится случай другой
Заняться важнее делами?

О зимней заклейте окна –
Оставь эти мысли подруге.
Заклейка-то на фиг нужна? –
Ну, дует... живем не на юге,

Не сдует же напрочь... совсем,
Такого вовек не бывало.
Стань глух к этим глупостям... нем.
А времени... времени мало,

На доньшке самом... Почти
И вовсе его не осталось.
Внимательно это прочти...
А жалость?..
Забей и на жалость!

* * *

В провинции зайдешь в столовку, брат,
Не пей воды, но водку или пиво.
Ну, закусь взять... все кончится счастливо,
И ты уедешь вскорости назад.

В народной сказке, помнишь ли, браток,
Чей след? – козел, овца или корова.
Я больше не могу сказать ни слова:
Родной воды напейся дома впрок.

Вода чужая... упадешь в траву,
Забудешь все – и кто ты есть, и где ты...

Перед тобой вода... салат... котлеты...
Ты не вернешься в Питер и Москву.

Любой мужик из местных будет рад
В аренду взять... непьющ, здоров и кроток.
Ему не нужно денег, водки, шмоток...
Да это не работник – просто клад.

Ушанка, ватник... и жильё – овин.
И Божий мир в очах – какое чудо!..
Сказали ей: Не пей <воды>, Гертруда...
А выпила... Ну что за дура, блин.

* * *

«Ценность текста, пойми,
ну, совсем не в избытке смысла», –
Говорит мой приятель, известный поэт N. N. –
«Ты расставь по строке иероглифы, знаки, числа,
А читатель, известно, любитель таких подмен.

Он доищется смысла, когда его нет в помине.
Голова у него – генератор шальных идей.
Бутафорский контекст – как муляж в дорогой витрине,
Но ведь так в головах у почти что и всех людей».

Как люблю я такой разговор за холодной водкой,
Без закуски почти – чтоб до сути дойти верней.
Я киваю и пью, не проделав попытки робкой
Возразить... объяснить... Зачем мне менять коней

На такой переправе... Когда уже вышли сроки...
«Ну, пора по домам!..» – и приятель толкает в бок.
Я плетусь до метро и сплетаю слова и строки,
Наделяя их смыслом, насколько позволил Бог.

* * *

Посмотри мне в глаза... За мгновение до... Я не стану
Называть то, что может случиться потом... Не могу...
Я вдохну этот воздух... впитаю легчайшую прану,
Чтобы сил мне хватило отпор дать достойный врагу.

Это родина, детка... Глоток самогонной сивухи,
Это запах Невы, скрип трамваев, дрожанье струны...
И дворовые драки до первой кровянки – «стыкухи»...
Пацаны и шпана с Петроградской родной стороны.

Трубы хлебозавода...
Дыхание свежего хлеба...
Школа 44 и наш хулиганистый класс.
Как мы бились за место под солнцем, за краешек неба –
До последнего вдоха... до первого крика «атас!»

Тополя... их срубили потом... как шумели их кроны...
Прибежишь со двора и, как скошенный, рухнешь в кровать.
Нет у тех пацанов.
И тебе не прорвать обороны
В поединке с собою... Ну, с кем же еще воевать?

Все порезы и раны, поверь, зарастают корою,
Нет ни вечных разлук, ни утрат...
Распадаются дом и гнездо –
Между Карповкой, Ждановкой, Малою Невкой, Невою.
Посмотри мне в глаза... За мгновение до...
За мгновение до...

* * *

Жизнь потихонечку сходит на нет,
Гасят светильники в актовом зале.
Но разгорается, кажется, свет
Там, куда путь нам с тобой указали.

Там... за горами. Ведут нас куда,
Не торопя, но настойчиво знаки.
И я все явственней вижу... о, да! –
Солнце другое светит во мраке.

Как пожелаешь, его назови...
Это светило надежды и муки.
Это тревожное солнце любви,
Бледное, слабое – вечной разлуки.

* * *

...Не в любви и не в дружбе... etc...
Дело не в малолетках, бьющих скопом... сворой,
Так что прямо от дома, со своего двора
Тебя увозят в Мечниковскую на «скорой».

Дело даже, мне кажется, не в тебе самом
И не в какой-то вине – коллективной... личной.
Кварталы мелькают за окнами... Двор и дом
Уже не представить за оградой больничной.

...И даже не в мести – от этого ты далек,
Здесь даже объекта-то нет для такой страсти,
А просто где-то в сердце или душе уголок
Горит. И это не по медицинской части.

* * *

С возрастом – это обычно... я уже так привык –
Вслушиваешься в речь, это вроде такой отмычки,
Поскольку понял: Человек – это его язык,
А не характер, склонности, внешность или привычки.

Все обороты словесные больше мне говорят,
Чем созерцанье субъекта в развитии плавном.
Если внимательно вслушаться... если поставить в ряд...
Просто уверен, что не ошибаюсь я в главном.

Так надоело настойчиво вглядываться в себя
Или других – все равно, мне-то, по крайней мере,
Что перестал навсегда я, память свою теребя,
Переживать снова ошибки свои... потери.

Кто-то, кто, кажется, прожил многие тысячи лет,
Мной узнаваемый в каждом облиции новом,
Один из тех нескольких, слушающих мой полубред,
Рядом стоит. Не умею назвать его словом.

Некто, отрабатывающий на мне приемы ушу,
Разнообразящий жизнь мою, скрытый под маской...
Этот. Тот, кому интересно то, что я напишу,
Снова толкает под руку, но никогда не унижает подсказкой.

* * *

Вот мы вышли на первую линию.
Впереди – никого. Позади
Только елки и сосенки в инее.
Как колотится сердце в груди!

Точно в юности – дерзко и весело,
Словно старость – совсем не резон.
Безнадежно в январское месиво
Зарывается наш гарнизон.

Поредевший отряд... Поколение...
Безысходно вмерзая в пургу.
Проигравший свое наступление,
Но не сдавший знамена врагу.

* * *

Считайте меня иностранным агентом,
Своей паутины раскинувшим нити...
Кожвендиспансера постоянным клиентом...
Только в стихи мои загляните.

Называйте хоть геем, хоть педофилом,
Кричите, что от меня зараза,
Не надо красивым считать и милым –
Только в стихи... хоть краешком глаза.

Фашистом числите... да хоть масоном...
Я знаю цену жизни и смерти,
Ведь я в стремленье своем бессонном
Для вас это все писал... поверьте.

Не соглашайтесь... спорьте со мною,
Я вам оставляю все эти строки,
И, расставаясь с жизнью земною,
Уношу все слабости и пороки.

* * *

Долго живу, и совсем не проходит сплин
И ощущение, что жил и живу убого.
Я сочиняю, как древний степной акын,
Лишь, о чем вижу, но вижу совсем немного.
Только об этом замшелом, земном пою.
А о небесном – ни зрения нет, ни слуха.
Я позабыл бы про горькую жизнь свою,
Но о другом не умею. Пробовал... глухо.
Ну, не дано. И о чем говорить? Прости.
Все же раскаянья нету во мне и страха.
Все, что обрел я, так и сжимаю в горсти –
Горсточку праха земного... ветхого праха.

* * *

«Что с тобою, сынок?.. Боже мой!..» –
Мне бы кинулась мама навстречу –
«Что случилось, сыночек, с тобой?..»
Не представить... И что ей отвечу?

«На кого ты, мой бедный, похож?..
Не таким тебя помню, мой милый!»
Ей, наверно, как под сердце нож,
Показался бы вид мой унылый.

Но не встречу. Нигде и никак.
Попадем мы с ней в разные сферы.
Нет, не то чтобы явлен мне знак,
Тут, скорее, из области веры.

Что поделать? Я тихо стою.
Неуместен здесь спор богословский.
Ни к чему... Как бы маму мою
Напугал облик мой стариковский.

* * *

Быть властителем дум, типа – классиком... А потом
Существовать, пережевывая одну и ту же фразу.
Доживать, неизвестно кем... будто с зашитым ртом,
Словно точные мысли повывудило все и сразу.

Нет, не окоlesiцу – у многих такая речь,
Но после тех высот, где парил, ничто не сулило – да ведь?
Вывод какой здесь сделать? Из этого что извлечь?
Ну, зажился на свете... Чего тут еще добавить?

Знакомый при встрече отводит старательно взгляд,
Точно разыскивает нечто в сплетенье стволов и веток.
Да – исключен из ряда... точнее, поставлен в ряд
Портящих настроение... неприличных предметов.

Вот и подумай над этим... вот на вопрос ответь –
Первое, что приходит в голову... не примеряя... вчуже:
Это, наверно, хуже, чем в детстве изведать смерть?
– Черт его знает... А может быть, и не хуже.

* * *

Жена толкнет и подскажет: – Не застывай!..
Когда задумываюсь чуть глубже, чем обычно.
Тут как раз на остановку приходит трамвай,
Да и вообще не совсем оно и прилично

Стоять вот так, как я, вперившись в никуда,
Не вполне сознавая, что впереди и кто там.
Люди думают: бедная женщина... вот беда –
Связалась с придурком... законченным идиотом.

Я уж не говорю, между нами, про то,
Как удерживает часто от спешки напрасной:
Когда б не она, сколько раз сбило б меня авто
На том перекрестке... при переходе на «красный».

Правда, бывает, при этом теряю нить
Своих размышлений... даже какое-то слово.
Впрочем, сами знаете, женщин не остановить:
Желают спасти – и спасут тебя, безусловно.

Я и не спорю: конечно же, ей видней,
Судит о жизни она более адекватно.
Подталкивает меня – и я возвращаюсь к ней.
Спасибо ей... Мог бы и не вернуться обратно.

* * *

Не порадуя Рим и Париж,
Не осчастливлю Лондон с Мадридом.
Пусть поездки укрепляют престиж,
Особенно с индивидуальным гидом.

Скорей, печально, что океан
Тоже присутствием не украшу.
По мне: заграница – сплошной обман,
Буду лучше любить Пискаревку нашу,

Буду – Полюстрово и Ручьи,
Богословское – благо, что рядом.
Даже – я искренне, ты не кричи –
И рынок под окнами с пестрым нарядом.

В Хельсинки не нанесу визит,
Даже в Упсалу – в оранжерею.
В каждом движенье усталость сквозит:
Загранпаспорт выправить я не успею.

Какой-то одолевает страх,
Дрожь в коленках – так прямо и скажем.
Забил я на все, что не в двух шагах,
О, даже на Русский музей с Эрмитажем.

Ну, не увижу... О чем жалеть?
Вещей, тех, что рядом, не видел тоже,
Таких очевидных, как жизнь и смерть.
Так о чем здесь жалеть-то, судьбу итожа?

